

Рауль Канский

ПОХОД ТАНКРЕДА
ДО ПРИБЫТИЯ ЕГО В ЛАГЕРЬ
ПОД НИКЕЕЙ. 1096–1097 гг.
(между 1112 и 1118 гг.)

Пролог

Благородное дело рассказывать о подвигах знаменитых князей! Оно спасает от забвения всякое событие; прославляя мертвых, мы воодушевляем тем переживших их и готовим добрый урок потомству, еще прежде чем оно успело явиться на свет. Таким образом оживает прошедшее, рассказываются победы, прославляются победители, клеймится трусость, возвышается доблесть, преследуется порок, внушается добродетель; одним словом, оказываются важнейшие услуги. Потому мы должны со вниманием читать то, что было написано, и писать, что заслуживает чтения, дабы, читая древнее и описывая новое, мы могли бы в древнем удовлетворить свою любознательность и приготовить что-нибудь подобное же для потомства.

Когда я предавался часто подобным размышлениям, передо мной предстало воспоминание о том счастливом странствовании, о том поте, который мы пролили для возвращения Иерусалимской церкви, нашей матери, ее наследия, и для истребления идолопоклонства и возвеличения веры, так чтобы каждый мог справедливо рукоплескать, восклицая: «Смотри, Иерусалим, к тебе принесли издалека твои сыны и твои дочери; Иоппе и многие другие разрушенные города восстали».

Из всех тех, которые содействовали такому славному предприятию, мне довелось сражаться в звании *рыцаря* под начальством Бозмунда (Тарентского), когда он осаждал Дураццо, и несколько позже под начальством *Танкреда*, когда он освободил Эдессу, осажденную турками. Ежедневные разговоры их беспрестанно вращались около того, как там-то турки были обращены в бегство, а там-то фражки мужественно сопротивлялись; как в одном случае неприятель был

перерезан, а в другом – как отнимаемы были у него города; как Антиохия была взята ночью посредством хитрости и как завоевали Иерусалим среди белого дня силой оружия. Но, увы! Припоминая таким образом прошлое, они говорили такую же, что нас пожирает лень, между тем как поэты древности находили в литературных занятиях величайшее наслаждение. А между тем они писали баснословные выдумки; почему же люди нашего времени, эта толпа лентяев, жужжащих наподобие улейного роя, молчат о победах воинства Христова?

Когда оба этих князя, бывало, пачнут рассказывать о всех событиях, мне всегда казалось, не знаю почему, они бросали взгляды на меня, как бы желая тем сказать: «Мы говорим для тебя, мы на тебя рассчитываем». Таким образом, они оба поощряли меня к труду, но особенно Танкред, благосклоннее которого не было между князьями, ни великодушнее, ни обязательнее. Когда он меня настойчиво побуждал взяться за дело, сердце мое всякий раз отвечало ему втихомолку: «То, о чем ты просишь меня при жизни, получишь не иначе, как после смерти, если я переживу тебя; я не буду хвалить тебя заживо, но я тебя похвалю после смерти; я вознесу тебя, когда ты завершишь свои подвиги; ибо только в таком случае ни гордыня не овладеет тем, кого хвалят, ни тот, кто хвалит, не унижится до лесты. Тогда и завистливый смолкнет, и ропот прекратится, потому что с твоей смертью прекратятся те подарки, которыми ты беспрестанно осылаешь меня при жизни; и ядовитые языки не будут иметь право называть меня продавцом, а тебя покупателем сказок».

К этому побуждению отложить мой труд присоединилось еще и другое обстоятельство. Не доверяя собственным силам, я ожидал, что кто-нибудь другой, более способный или еще более обласканный Танкредом, посвятит себя горячо этому же труду.

Но я вижу, что они не обращают никакого внимания на это дело, другие завязли в своей лени, а некоторые о преступлении ропщут и отказываются от участия. Увы! К чему привели все ласки, щедроты и подарки Танкреда, славы князей, которыми